

Елена КАМБУРОВА: Мы все иноходцы, бежим, сбрасываем жокея

Певицу Елену Камбурову обожает зритель — после каждого концерта в гостиницу народной артистки России идут поклонники разных возрастов и несут любимой исполнительнице цветы, какие-то шкатулочки, сувениры... «Это называется — мой зритель, — улыбается Елена Антоновна и признается: — Больше всего мне запомнился подарок, который я получила, когда еще была студенткой университета: большой мишка, которого я никогда не забуду, — он теперь проживает в нашем театре».

«ЛЮДИ ТОЛЬКО МЕШАЮТ...»

— Елена Антоновна, вы с такой любовью говорите о зрителе, но и с таким чувством исполняете песню: «Люди только мешают, путаются под ногами, вечно чего-то... хотят. От них одни неприятности... ах, если б не было людей»...

— У меня много разных песен (*улыбается*) — и все мои. Я могу что-то хуже или лучше исполнить, но я их выбираю по принципу абсолютной любви к ним. Даже когда была цензура, когда мне навязывали что-то, все равно никогда не пела то, что мне было неинтересно.

— Так у вас же была премия Ленинского комсомола — она как-то защищала вас?

— Ну это была небольшая временная защита, которая повернулась ко мне и обратной стороной. Помню, когда я сдавала сольную программу, ее категорически не приняли, уличив меня в пессимизме. А в программе между тем были песни «Гренада», «Орленок», которые я пела по-своему — как плачи по молодым, которые уходят и не возвращаются. Ситуация для меня была очень серьезная, но Ролан Быков предложил горькому комсомолу прослушать мою программу, и там решили меня поддержать. Так я стала лауреатом премии Московского комсомола.

«МНЕ ВСЕ РАВНО, СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК МЕНЯ СЛУШАЮТ — ПЯТЬ, СТО ИЛИ ТЫСЯЧА...»

— Судьба вас сводила со многими людьми, которые потом стали известными актерами, любимцами публики, — например, в студии при клубе медработников вы занимались с Александром Калягиным, потом были Цирковое училище, ГИТИС... Что-то из того времени осталось с вами? Встречаетесь, поддерживаете отношения?

— Пожалуй, из студии только мы с Калягиным стали народными артистами... В принципе от того времени, я бы сказала, в большей степени остались мои зрители... Знаю, что на моих концертах всегда есть кто-то, кто слушал меня еще тогда, когда я только начинала. Это такая пожизненная связь артиста со слушателем. И это то, чем я горжусь.

— Алла Пугачева мечтает создать театр песни в Петербурге, а как обстоит дело с вашим Театром музыки и поэзии?

— Наш театр существует в Москве уже довольно много лет, и это прекрасно. У нас есть камерное помещение, и я как зритель очень люблю посещать камерные театры. Потому что там, где ты один на один со зрителем, соврать просто невозможно.

— Знаю вашего зрителя — сама одна из многих ваших поклонниц: люди иной раз согласны сидеть на ступеньках, стоять в проходах, лишь бы услышать песню в вашем исполнении...

Фото Интерпресс

— Отвечу вам стихами Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...» Это прекрасно, что так происходит. Но если бы я собрала половину зала, то работала бы точно так же, как и при полном зале: для меня не важно, пять человек меня слушают, сто или тысяча.

Другое дело, что наш театр нуждается в финансовой поддержке. Конечно, нам помогает комитет по культуре, но не до такой степени, чтобы мы не мечтали о том, чтобы те, кто может финансово помочь, нам помогали...

«МОИ ПЕСНИ ВНЕ ВРЕМЕНИ»

— Вы поете песни Окуджавы, Высоцкого... А вот при жизни Владимира Семёновича пробовали петь его песни со сцены или показывать их ему?

— Нет, мне тогда в голову это не приходило. Но тот посыл, что есть в песнях Высоцкого, гораздо более демократичный, чем у Булата Окуджавы, который все-таки ориентировался на очень интеллигентское сознание. А Высоцкого могут слушать шахтеры, сидящие в тюрьме урки, инженеры — у него широкий зритель, но это не значит, что качество его песен хуже. Совершенно гениальный Булат Окуджава так не звучит, как Высоцкий, хотя он заслуживает этого. Вот если бы у нас было другое общество, то они были бы там на равных.

— Вы поете на концертах песню Высоцкого «Иноходец» и так ее исполняете, что ощущение, будто вы тоже с себя жокея сбросили...

— Мы все иноходцы — бежим, бежим, сбрасываем жокея... Для меня таким жокеем была цензура, время, которое многое дикту-

ет... Я, правда, стараюсь не подчиняться: у меня своя страна, свой мир... Мой голос из других времен, он вечный, и я, равно как и мои песни, вне времени... Но почему-то сегодня я почти не звучу на телевидении, в кино, хотя раньше меня записывали очень много...

КОМПЛИМЕНТЫ ОТ ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ

— Елена Антоновна, хотелось бы, чтобы вы рассказали о судьбоносных встречах, о людях, которые повлияли на вашу жизнь...

— Первой судьбоносной встречей стала встреча с народной артисткой СССР, звездой Вахтанговского театра Цецилией Львовной Мансуровой, первой Турандот — она увидела, поверила в меня, и ее вера мне очень-очень помогла. Потом — Фаина Раневская, которая также поверила в меня и даже написала мне письмо на радио... Леня Енгибаров, Ролан Быков влияли на меня. Совершенно фантастическая история произошла со мной, когда я впервые увидела и услышала Жака Бреля, французского шансонье. Я, конечно, не могла себе тогда представить, что пройдет много лет и у меня будет спектакль «На свой необычный манер», в котором зазвучат половина песен — Жака Бреля, половина — Высоцкого.

— Вы упомянули о письме Фаины Раневской, известной своим остроумием, непростым характером... Что было в этом письме?

— Чудо заключается в том, что, еще будучи студенткой и почти не выходя на сцену, имела возможность записать на радио свою

11 ИЮЛЯ НАШ
КОРРЕСПОНДЕНТ
ПОЗДРАВИЛА ЗНАМЕНИТУЮ
ПЕВИЦУ С ЮБИЛЕЕМ
И ПОБЕСЕДОВАЛА С НЕЙ
О ЖИЗНИ, КУЛЬТУРЕ
И ПЕТЕРБУРГЕ

работу — «Нунча» Горького из цикла «Сказки об Италии». Радиостанция «Юность» ее передавала, а Фаина Георгиевна слушала. И потом написала письмо, которое начиналось так: «Никогда не писала на радио...» Там была масса комплиментов, в которые мне было очень трудно поверить, но это так. Потом, уже через несколько лет, я решилась к ней прийти и в последние годы ее жизни часто у нее бывала.

«ЛЮБЛЮ ГУЛЯТЬ ПО ПИТЕРУ»

— Елена Антоновна, у меня такое чувство, что вы несколько аполитичны — у вас свой мир, мир песен, и вы там скрываетесь от... политики.

— А разве это не политика — воспитывать в человеке личность? Личность, которая способна отличить одну политическую партию от другой, отличить добро от зла. Я хожу на выборы, голосую и очень переживаю за судьбы страны. Для меня Россия — это такое чудесное существо, которое веками претерпевает всякие перевороты, и боль, и слезы... У меня есть песня «Да осенит тишина» — это всем нам такой наказ, что есть надежда, даже если что-то будет не так, все равно зарастут пепелища, закроются раны...

— Мне показалось, что на ваших концертах маловато молодежи...

— Ну что вы! Вы видели, сколько молодых людей мне дарили цветы? Половина тех, кто ходит на мои концерты, — молодежь. Я это наблюдаю и в Москве, и в Петербурге, куда приезжаю примерно раз в полгода, у меня здесь друзья... Вы знаете, я люблю гулять по Питеру, несмотря на то что здесь немного похуже, чем в Москве, с дорогами, тротуарами, с зеленью... Но здесь есть что-то такое, что просто хочется выйти в центр и гулять, гулять... Здесь сохранилось гораздо больше, чем в Москве, старых зданий. Мне нравится ходить вдоль Невы — это такое центральное место, нерв города... Каждый раз мне хочется прийти в гости к Пушкину на Мойку, 12, но, к сожалению, не всегда это получается...

— А ощущение счастья у вас часто присутствует?

— У меня очень много счастливых моментов в жизни: это все финалы моих концертов, когда я понимаю, что все волнение позади, что мы с публикой все-таки недаром встретились. У меня довольно большая ответственность за... человеческое время. Ведь зритель, который приходит ко мне, тратит свое жизненное время, а у нас у всех оно ограниченное, и очень важно для меня своего зрителя не подвести — чтобы он понял, что на это стоило тратить время.

Беседовала Людмила КЛУШИНА

Полностью материал
читайте на нашем сайте
vppress.ru

